

Статья вышла в:

// Когнитивные и семантические аспекты единиц языка и речи. – Уфа,
РИО БашГУ, 2007. – С. 116 – 127.

----- < 116 > -----

Шафиков С.Г., Шафиков И.С.

Душа русского человека в свете когнитивной лингвистики и перевода

Между языками существуют различия, которые нельзя свести к различиям в опыте и которые можно объяснить своеобразной категоризацией мира мышлением каждого этнокультурного сообщества, что и создает эффект языковой относительности (см. статью С.Г. Шафикова в данном сборнике). Эти различия, выступающие как характерные для

----- < 117 > -----

языков семантические лейтмотивы, подчиняются, однако, общим принципам, которые можно назвать принципами категоризации.

Можно выделить два основных принципа категоризации: *номинализм* и *реализм*. Номинализм предполагает, что явления внешней действительности (номинаты) объединяются языком под одним названием (с помощью одного многозначного слова) чисто условно, то есть независимо от сходства между обозначаемыми этим словом явлениями действительности, в то время как реализм основывается на предположении о сходстве вещей, свойств и отношений реального мира [Левицкий 2006: 407]. При этом оба принципа могут выступать во взаимодействии. Например, животные и растения подвергаются процессу номинации в разных лингвокультурных сообществах, занимающих этот ареал, вследствие общего процесса познавательно-практической деятельности человека (принцип реализма). Вместе с тем в силу разнообразия признаков, выделяемых в номинатах, эти номинации обладают разной внутренней формой (принцип номинализма).

Принцип номинализма опровергает теорию языковой модели мира, поскольку различие между языками оказывается всего лишь результатом строя языков, который определяет использование той или иной языковой техники. Например, языки можно условно разделить на языки NOMINA и языки VERBA. К «глагольным языкам» относится нутка, в котором нельзя сказать просто *house* «дом» и получается что-то вроде **it houses* (аналогично тому, как в английском языке о дожде говорится *it rains*). Английский язык, наоборот, характеризуется как «именной язык»; поэтому, например, цвет чаще выражается именем, чем глаголом (ср. *he blushes* «он краснеет»; ср.: перевод из русского языка: *белеет парус одинокий = a lonesome white sail stands out*). Русский язык относится тоже к «именной группе», хотя «глагольный признак» представлен ярче, чем в английском, если судить по цветообозначениям. Однако сказанное вовсе не означает, что восприятие мира «через глагол» отличается от его восприятия «через имя» [Rapoport 1975: 210]. Рассуждая аналогичным образом, нельзя утверждать, что, поскольку в финском языке 15 падежей, включая иллатив, элатив, партитив, аблатив и т.д., финский склад ума в два раза точнее передает отношения между вещами. Язык служит канвой для мышления, влияя лишь на выражение мысли, но не саму мысль. Каждый отдельный индивид, пишет А.Т. Кривоносов, «сознательно действует в актах языкового, семантического мышления именно так, как ему приписываю правила его языка, то есть осознает в своем мышлении только те схемы и модели, которые ему предписывает его язык, и *сознательно* строит свои предложения в согласии с правилами своего языка» [Кривоносов 2006: 345].

----- < 118 > -----

Объяснение межъязыковых различий без обращения к языковой модели мира есть мировоззренческая позиция; эта позиция исходит из приоритета мышления: мировидение формируется мышлением, а не языком, который служит «инструментом мысли». Мировоззренческая позиция мало чего стоит в смысле доказательности, потому что любая аргументация разбивается,

наталкиваясь на искреннюю веру и твердое убеждение (что почти одно и то же). Поэтому данная позиция, которую можно назвать объективистской, связанной с приоритетом общего в языках, опровергается субъективистской позицией, связанной с преобладанием в языках идиоэтнического компонента.

Правда, субъективистская позиция поддерживается продолжающейся «когнитивной революцией» в языкознании. В последнее время почти каждая кандидатская диссертация в Башкирии выполняется в русле этой «революционной науки», которая, как уверяет Е.С. Кубрякова, является «крупнейшим достижением второй половины прошлого века» [Кубрякова 2004: 12]. Вместо «скучной» семантики единиц языка теперь можно заниматься изучением концептов, то есть концептуальным анализом. Это, безусловно, сложное дело, поскольку сложно объяснить отличие концепта от языкового значения, семантического поля, категории и прочих «ментальных репрезентаций» в языке. Однако смутное понимание концепта как главной единицы когнитивного исследования компенсируется интуицией, которая может при желании заменяться понятием интроспекции (интроспективного анализа). Понять, чем отличается интроспекция от интуитивного метода тоже сложно, хотя А. Вежбицкая находит выход из положения, используя понятие «натренированная интроспекция» [Wierzbicka 1985]. Создается впечатление, что «натренированная интроспекция» служит индульгенцией для субъективной трактовки языковых данных, для всё более расширяющегося лингвистического произвола, прикрытого, как фиговым листком, провозглашением антропоцентризма. Однако антропоцентрический принцип, провозглашающий гуманизм в языкознании, освобожденном от тирании антиментализма, на поверку «перерождается в дегуманизацию науки о языке, где претенциозные заявления о целях и возможностях анализа контрастируют с реально полученными результатами, а трескучая терминология <...> лишь оттеняет и подчеркивает скромность или даже недостоверность этих результатов» [Левицкий 2006: 159].

Концептуальный анализ, применяемый в когнитивистике, обычно удовлетворяется рассмотрением лишь нескольких контекстов с показательными для точки зрения исследователя примерами. Как ни странно, число этих примеров оказывается достаточным для вынесения приговора о нестыковке языковых моделей мира, отсутствии аналогов,

----- < 119 > -----

особом языковом мышлении, которым субъект языка интерпретирует окружающий мир и т.д. Таким образом, концептуальный анализ оказывается не менее зыбким, субъективным, поэтическим, чем концепт как его базовая единица. Здесь можно привести высказывание признанного когнитоведа Е.С. Кубряковой, которая анализирует концепт «память»: «Интересно, что сосредоточением воспоминаний, впечатлений может быть не только сознание, но и сердце, душа, слово, а значит локус памяти понимается достаточно различно» [Кубрякова 2004: 374]. Такое утверждение показывает пренебрежение к необходимости отличать прямое от переносного значения слова и, как язвительно замечает В.В. Левицкий, «равносильно тому, что острым может быть не только нож, но и сыр, что лиса и ёрш понимаются достаточно различно: не только как животное или рыба, но и как человек и напиток» [Левицкий 2006: 151-152].

Для рассмотрения концепта «память» Е.С. Кубрякова обращается к образцам отечественной поэзии, и это весьма характерное обращение. Концептуальный анализ, требуя выхода за пределы узуса, вынуждает исследователя включать философию, мифологию, культурологию, поэзию в ареал поиска, хотя такое расширение вряд ли можно считать верным средством для изучения ядра концепта как феномена языка. Для такого изучения необходимо получить полный список слов и словосочетаний, представляющих концепт (например «память») и обратиться с этим списком к толковому словарю. Ведь толковый словарь систематизирует основные употребления репрезентантов концепта, оперируя значениями языковых единиц, которые М.В. Никитин называет интенционалом.

В стремлении выяснить, как структурируется знание в языке, когнитология исследует базисные единицы культуры, то есть культурные концепты. К таким маркерам русской культуры лингвокультуролог обязательно отнесет концепты «память», «душа», «совесть», «тоска», «друг», «родина» и т.д. При этом даже без всякого анализа, априорно, исследователь полагает такие концепты лакунарными, заключая, что концептуально характерную для языка семантическую структуру нельзя передать средствами другого языка. Поэтому, как и художник слова, описывающий «загадочную русскую душу», лингвокультуролог рассматривает признаки понятия, оставляя слово, обозначающее понятие, либо без всякого перевода, либо предлагая целую гроздь слов родного языка для выражения сходных понятий. Как пишет Й. Ричмонд, «the romantic ethos, *dusha*, appeals to feeling rather than fact, sentiment, over certainty, suffering instead of satisfaction, and nostalgia for the past as opposed to the reality of the present» [Richmond 1996: 46].

Здесь можно задаться следующими вопросами, которые имеют как теоретическое, так и практическое значение: 1) как соотносятся между

----- < 120 > -----

собой концептуальные структуры мира разных этнокультурных сообществ? 2) что следует переводить в межкультурной коммуникации – концепт или значение? 3) так ли уж загадочна русская душа, что в нее нельзя проникнуть человеку иной культуры? 4) сходны ли коммуникативные неудачи при межкультурной и внутрикультурной коммуникации?

1. Вопрос о сходствах и различиях в концептуальных структурах мира разных этнокультурных групп представляет большой теоретический интерес, однако в рамках данной статьи его обсуждение нецелесообразно. Здесь же можно ограничиться предположением о том, что концептуальные модели общего мира, представляющие этот мир и человека в нем, являются сходными (подобными), поэтому можно даже говорить о некоем инварианте всех возможных представлений о мире.

Варьирование концептов, образующих концептуальные модели мира, объясняется различиями в миропредставлениях, вербализованных в разных языковых системах. Различие в представлениях о мире определяется, в частности, различным отношением культур к свойствам мира, то есть к признакам его фрагментов и выражается большей частью даже «не в наличии или отсутствии определенных признаков, а в частотности этих признаков и их специфической комбинаторике» [Карасик 1996: 15]. Вербализация концепта закрепляет его универсальные и уникальные признаки в значениях языковых единиц, превращая концепт в «сгусток культуры». Уникальные признаки концепта можно сопоставить с уникальностью отпечатков пальцев, и именно в этом смысле концепт нельзя «перевести» из одной культуры в другую. Зато можно перевести ближайшие значения (в понимании А.А. Потебни) лексических единиц, которые выражают подобные концепты разных культур.

2. Поскольку признаки подобных концептов могут быть как универсальными, так и уникальными, семантические компоненты в значениях их языковых репрезентантов так же могут совпадать или не совпадать. Например, эквивалентные слова англ. *freedom* и рус. *свобода* указывают на совпадающую часть в сходных концептах, в то время как слова *liberty* и *воля* уже указывают на значительное концептуальное расхождение, поскольку английское слово относится к демократическим свободам в западной культуре, а русское слово «по сути своей обозначает состояние души» [Леонтович 2005: 120].

Таким образом, перевод концепта из одной культуры в другую представляет собой перевод значений его языковых репрезентантов; при этом каждый языковой репрезентант концепта характеризуется своей значимостью (парадигматической, синтагматической, стилевой, эмотивной, территориальной и т.д.). Для перевода необходимо найти инвариант (логический межъязыковой эквивалент) подобных концептов, то есть смысл,

полностью лишенный этнокультурных наслоений и равнообщий для сравниваемых культур. Например, представления о смерти варьируются в разных культурах, однако инвариантный эквивалент этих представлений можно определить как «процесс и результат прекращения жизни», то есть [СМЕРТЬ]. Инвариант [СМЕРТЬ] можно найти в любой культуре, например в тексте древнеегипетской лирики («Смерть стоит передо мной, как выздоровление после болезни, как путь, омытый дождем, как возвращение домой из дальнего похода»), хотя не в каждой культуре смерть может стоять, или витать, или таиться или вести себя иным антропоморфным образом. В данном случае, однако, такой антропоморфизм допустим при переводе на некоторые языки; ср. в английском языке: *death stands before me*; ср. в немецком языке: *der Tod steht vor mir*; однако для французского языка это неприемлемо. Таким образом, трансформируя логический межъязыковой эквивалент в языковой эквивалент языка перевода, необходимо выразить его через характерные для языка средства выражения.

3. Каким бы трудным для понимания в рамках межкультурной коммуникации ни считался концепт, обладающий уникальными признаками, трудность объяснения можно преодолеть. Остается только ввести соответствующее понятие в межкультурную коммуникацию (читай: перевод), чтобы увидеть, насколько переводимый номинат представляет собой уникальное явление. Ничего уникального нет, если слово одного языка в строго определенном значении имеет системно обусловленное лексическое соответствие в другом языке; если что-то можно объяснить только описательно, свободным словосочетанием, тогда, точно, имеет место уникальный объект, соответствующий лакуне в языке сравнения.

В качестве одного из самых «русских» концептов считается концепт «душа», эта «духовная сердцевина» всей чувственной жизни человека (конечно, русскоговорящего) [Wierzbicka 1997: 10], и в данной статье делается попытка передать его средствами английского языка. Лучшим

определением соответствующего слова Ю.С. Степанов считает определение Владимира Даля: «бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; в общем значении: человек с духом и телом; в более тесном: человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в смысле же теснейшем: жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела и от духа» [Степанов 2001: 716]. Опираясь на это определение, определение толкового словаря Ожегова-Шведовой, а также анализ контекстов в речи, можно вывести 8 значений слова *душа* в русском языке: 1) внутренний, психический мир человека, его сознание; 2) бессознательное «оно», которое противопоставляется сознанию; 3) свойство характера или человек с этим свойством; 4) сверхъестественное, духовное бессмертное начало в

----- < 122 > -----

человеке, продолжающее жить после его смерти; 5) Пыл, чувство, порыв; 6) голубчик, милый, родной (как обращение); 7) человек (обычно в устойчивых словосочетаниях); 8) человек, относящийся к податному сословию.

Для анализируемого слова подбираются контексты употребления в прозе такого классика русской литературы как А.П. Чехов. Конечно, нельзя объять необъятное, как говорит Козьма Прутков, поэтому в полном соответствии с принципом концептуального анализа в статье рассматривается лишь часть примеров со словом *душа* в чеховских произведениях, поскольку, если судить по количеству примеров, русская душа, точно, безмерна. Ниже приводятся русские примеры с образцами перевода на английский язык, который не всегда требует употребления эквивалентного по смыслу субстантива (*heart, soul, feeling* и т.д.); в ряде случаев существительное опускается.

1) Внутренний, психический мир человека, его сознание; мироощущение, например: *У кого душа грязнее и чернее сапога моего, у кого сердце не в утробе матери, а в кузнице фабриковалось...* («Корреспондент») - *Whose soul is filthier and blacker than my boots, whose heart was hammered out by a blacksmith and not in his mother's womb...|| Мы*

начали рассказывать всё, что за зиму накопилось в наших душах друг против друга. («Двадцать девятое июня») - *And we began telling everything that we had piled up in our hearts against each other.* || *Моя душа возмущается, ежели кто врет...* («Двадцать девятое июня») - *It is just against the grain with me, when somebody is telling lies...* || *Мы бледнели, краснели и слушали. Душа наша мылась в его словах. Нам хотелось умереть от раскаяния.* («Речь и ремешок») - *Our bodies died a thousand deaths, our hearts washed clean by his words / His words purged our souls.* || *Он был француз, но у него была русская душа.* («Двое в одном») - *He was French, but deep at heart he still was Russian / he had a Russian heart.* || *Он стар, некрасив, но зато какая у него душа!* («Благодарный») - *He is old and ugly – but he has a heart of gold!* || *Танцы утомили ее, но изнемогала она телом, а не душой...* ("Муж") – *She was tired of dancing, but it was her body that was exhausted and not her spirits.* || *Только теперь, сидя за пианино, она впервые ясно сознала, что этому несчастному человеку не до шуток, что он болен душой и не находит себе места.* ("Несчастье") – *It was only then, as she sat at the piano, that she clearly realized for the first time that the poor devil had been in deadly earnest, restless and full of anguish.* || *Разбит, утомлен душой, на сердце гнетущая тоска, а ты изволь садиться и писать!* ("Тссс!...") – *You are going to pieces, sick at heart and downcast – and yet you have to sit down to the desk and write!* || *Того не понимаете, что я, может, когда сочинял эту рекламу, душой страдал.* ("Писатель") – *What you don't*

----- < 123 > -----

understand is that perhaps I was creating that advertisement with a weeping heart. || *Всё, что теперь проскальзывало мимо слуха стоявших около меня людей, он жадно пил бы своей чуткой душой, упился бы до восторгов, до захватывания духа, и не было бы во всём храме человека счастливее его.* ("Святой ночью") – *He would be bathing his susceptible heart in every word that was missing the ears of the people now standing near me, he would let his heart drink avidly until it was full, and there would be no happier soul in the Temple of*

Man.

2) Бессознательное «оно», которое противопоставляется сознанию, например: *Он выпил еще рюмочку, принялся за пиво, и в нем взыграла душа.* («Петров день») - *He had one more shot (of vodka), then he turned to beer until all that went to his head and he finally ran wild* || *Он остряк такой, знаете ли, весельчак, душа человек!* («Скверная история») - *He is so quick-witted, you know, he is merry and charming!* || *И денег много, и еда хорошая, и пей, сколько душа хочет...* («Барыня») - *Plenty of money, fine food and drinks – all to your heart's content...* || *Дядечкин выпивает два стакана воды, но... горит душа! Он ходит, ходит, ходит...* («Мошенники поневоле») - *Dyadechkin drinks off two glasses of water, and yet – his mind will not be at rest! He walks up and down without stopping.*

3) Свойство характера, или человек с этим свойством, например: *Если и виновен он, то во всяком случае заслуживает снисхождения и участия всех сострадавательных душ.* («Задача») - *If he should be guilty, he still deserves mercy and empathy of all those who are kind-hearted.* || *Не хочешь жениться, значит! Не хочешь? Ты говори прямо, бессовестная твоя душа, говори прямо: не хочешь?* («Который из трех?») - *Tell me straight, you shameless bastard, tell me now: you don't want to marry, you don't, do you?* || *Воровская душа должна быть смела.* («За яблочки») - *A true outlaw must have a strong/brave/stout heart.* || *Лицо-то у него, негодника, доброе, ну, а душа зато страсть какая ехидная!* («Перед свадьбой») - *He's got a kind face indeed, has that rascal, but isn't he all art and cunning within himself!* || *...Подбородок его дрожал, голос дрожал, и сквозь глаза глядела страдающая душа.* («Случай из судебной практики») - *His chin was trembling, so was his voice, and his eyes showed an agonizing soul.*

4) Сверхъестественное, духовное бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти, например: *Ты забыл бога! Ты забыл, что во всякую минуту душа твоя готова расстаться с телом и отдаться в руки дьявола!* («Ненужная победа») - *You forget that at any time*

your soul may leave your body and abandon/yield itself to the Devil! || Стары оне, слабы... Душа в теле еле держится. («Раз в год») – Old and feeble, they hardly

----- < 124 > -----

keep body and soul together. || К концу дня я еле стоял на ногах: изнемогли душа и тело. («Сон») - Toward the end of the day I could hardly stand upright: I was exhausted mentally and physically / I was exhausted, mind and body. || Где нет чистоты душ, там не ищите ее у тел. (Из письма А.П. Чехова И.Л. Леонтьеву) – Clean souls make clean bodies. || Прежде чем мы приступим к делу, угостите меня чаем, а то у меня вся душа высохла. («Кошмар») – But before we get down to business, let me have some tea – I have dried up within.

5) Пыл, чувство, порыв, например: *Малый ты славный, с душой, а нет в тебе этого, знаешь, огня, желчи, силы... нет азарта, и почему ты не аптекарь, не сапожник, а писатель, Христос тебя знает! ("Тапер") – You are a nice fellow, you have a good heart, but you have no pepper, so to say, no guts or force – no spirit; and only God knows why you are a writer and not a chemist, nor a shoemaker! || Письмо написано искренне, с душой, а потому едва ли это шутка... ("На даче") – The letter has been written with heart-felt sincerity, so it is hardly a joke... || Человек живой, с душой, с чувствами, как и все... ("Беззаконие") – A living being, a heart with feelings, just like everybody else... || Таких бы детей не мне, непутевому, а настоящему бы человеку с душой и чувствами! ("Отец") – Someone else must have such children – not I, good for nothing, but a real human being, with a good heart and feelings!*

6) Голубчик, милый, родной (как обращение), например: *Не могу я, душа моя, не играть! <...> Выиграл, душа моя! («Жизнь») - I can't quit playing, honey! <...> I have won, my dear! || Одевайся, душа моя. Да ну же! ("Perpetuum mobile") – Get dressed, my dear. Come on! || Голубчик мой! Милая ты моя душа! - заголосил шафер. - Чего же ты раньше этого не говорил? ("Гордый человек") – “My dear man!” the best man started. “Why on earth didn't you tell me earlier?” || Завтра, душа моя, представьте, срок платежа. ("Картинки из недавнего прошлого") – Tomorrow, my dear, let me see the*

payment term.

7) **Человек (обычно в устойчивых словосочетаниях)**, например: ...но ни жилья, ни одной живой души. («Остров Сахалин») - ...no living soul / not a single soul. || Ни одна живая душа ни разу за все восемь лет пытливо не взглянула на меня. ("Драма на охоте") – No living soul has ever looked me closely in the face during these eight years. || Он бранится, толкается, грозит и... хоть бы одна живая душа огрызнулась! ("Художество") – He is swearing, and pushing, and threatening... and there's been as many as no man to give him a piece of his mind! || Он говорил и думал о том, что вот он идет на свидание и ни одна живая душа не знает об этом и, вероятно, никогда не будет знать. ("Дама с собачкой") – He spoke and thought that he was going to have a date and that no living soul knew or ever would know about it.

8) **Человек (относящийся к податному сословию)**, например: Детей душ восемь было... («Иванов», Действие 3) - I had about eight children... || -

----- < 125 > -----

А много зайцев едет? - Душ сорок будет. («В вагоне») - (Well,) about/around forty people, (I think/guess).

Из примеров, таким образом, видно, что «загадочная русская душа» все же поддается не только осмыслению, но и объяснению средствами другого языка, хотя слово *душа* является семантически гораздо более ёмкой единицей, чем его английские эквиваленты. Семантическая ёмкость увеличивается также за счет контекстно-обусловленных употреблений, таких как *делать что-то с душой/без души, в душе, по душе, для души, по душам, за милую душу, как бог на душу положит, с души воротит, душа общества (компании)* и т.д. См. следующие примеры: Душа общества... *Едва вошел, как атмосфера стала жиже.* («Иванов», действие 2) – Life and soul of the party! Я ненавижу тебя всею моею душой и желаю, чтобы ты скорее погиб. ("Черный монах") – I hate you with all my heart and I wish that you would die soon. || Вы уж не любите их, что ж тут кривить душой? ("Скучная история") – You do not love them any more, why sham love? || *Мешает,*

скотина, заниматься... - думает Зиберов. - Сидит над душой тут и надзирает. ("Репетитор") – “*Makes me nervous, the bastard,*” Ziberov thought. “*Sitting over and overseeing me.*” || Ваши превосходительство! Движимые и тронутые всею душой вашим долголетним начальничеством и отеческими попечениями... ("Альбом") – *Your Excellency! Our hearts moved by Your Excellency’s long management and fatherly solicitude...* || Добро бы, у тебя, подлеца этакого, в банке деньги лежали или был свой хутор, где бы за тебя другие работали, а то ведь ни шиша за душой нет, ешь чужое, задолжал кругом, семью голодом моришь, шут бы тебя взял! ("Обыватели") – *It would be anyway better, you scoundrel, if you had an account with a bank or a farm with workers to work for you – but look at yourself! you’re as poor as a church mouse, eating other people’s bread, running debts everywhere, famishing your family, damn you!*

Выражение *взыграла душа* в русском языке можно считать лексически обусловленным контекстом; однако почему душа (или *ретиво́е*, или характер, или кураж вследствие выпитого спиртного) может «взыграть» только у русского? «Взыгрывает» любое слово или словосочетание языка вследствие своих системных связей, которые иначе организованы для эквивалентов данной единицы в других языках. В силу лингвистической специфичности всякого слова объективно невозможно передать решительно все обертоны, всю гамму ощущений, все, что возникает в сфере языковых ассоциаций при употреблении языковой единицы. Легче носить воду в решете, проще стриженной девке заплести волосы в косу, а шахматисту просчитать в уме все возможные исходы партии от начала до конца. Но если адекватный перевод возможен (как видно из приведенных примеров), значит, коммуникация между носителями разных культур также

----- < 126 > -----

возможна, и вряд ли какие-либо культурно-обусловленные единицы, или «псевдокультуремы», к которым можно отнести и концепт «душа», являются серьезной помехой. Перевод есть искусство, и по справедливому замечанию

3.3. Чанышевой, «переводческая цель преодоления расхождения между культурами присутствовала подспудно в работе хороших переводчиков во все времена, но методологическое обоснование она получило сравнительно недавно в контексте понимания перевода как акта межкультурной коммуникации» [Чанышева 2004: 190].

4. Так же как нельзя надеяться на полное понимание при межкультурной коммуникации, так и в общении внутри одной и той же этнической и/или культурной общности нельзя гарантировать отсутствие сбоев в коммуникации. Можно всегда найти многочисленные примеры словоупотреблений, которые нарушают коммуникацию из-за различия в отношении к миру. Например, определенное слово может ассоциироваться у говорящего в большей степени с каким-то курьезным, хотя и не менее употребительным значением, которое может вызвать улыбку, например: *Милостивый государь, Вам надлежит вступить в сношения с послом* || *Прелесть, прелесть, дядюшка; еще, еще, - закричала Наташа, как только он кончил* (Л.Н. Толстой, «Война и мир») || *В этот монастырь он удалился и выбрал одного монаха по имени Хуго, чтобы жить с ним, а с другими не имел никаких сношений* (Датская легенда о св. Нильсе) || *Как ты можешь дружить с этим слоненком? Ведь он же голубой!* (цитата из мультфильма) (ср. английские слова *queer* и *gay*, употребляемые в обычном контексте в том же значении, которое может вызвать неадекватную реакцию).

Как межкультурная, так и внутрикультурная коммуникация в значительной степени зависит от внеязыкового контекста, обусловленного психологическими моделями, которые отражают экономические, политические, идеологические и прочие структуры, характерные для определенного общества. В этом смысле носитель современного русского языка психологически ближе стоит к представителю западной культуры, чем, например, к русскому человеку времен классической русской литературы. Наоборот, современному «носителю русской души» труднее понять гоголевского Селифана, который отвечает Чичикову, пригрозившему своему

слуге поркой: «Как вашей милости будет завгодно, коли высечь, то и высечь; я ничуть не прочь от того... оно нужно посечь, потому что мужик балуется; порядок нужно наблюдать». Подвергнуть человека законному физическому наказанию в это время было таким же обычным делом, как одолжить деньги (приобретатель мертвых душ занимает большую сумму у первого встречного под одну лишь расписку), как троекратно целоваться при первой же встрече (Чичиков с Платоновым и Костанжогло), как страдать от укусов клопов в заезжей гостинице и т.д.

----- < 127 > -----

Мировоззрение меняется, меняется и душа русского человека, и об этом красноречиво свидетельствует уменьшение употребления соответствующего слова в свободных значениях, поэтому в скором времени понять эту «загадочную» субстанцию не сможет даже русская душа, хотя язык может сохранить, а переводчик – перевести лексику прошедших эпох, соблазнительную для каждого уважающего себя русского когнитивиста.

ЛИТЕРАТУРА

Карасик 1996 – Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность. Культурные концепты. Волгоград, 1996, 3-16.

Кривоносов 2006 – Кривоносов А.Т. Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании». – Москва–Нью-Йорк, «ЧеРо», 2006. – 822 С.

Кубрякова 2004 – Кубрякова Е.С. Язык и знания. – М., «Языки славянской культуры», 2004.

Левицкий 2006 – Левицкий В.В. Семасиология. – Винница, «Нова книга», 2006. – 512 С.

Леонтович 2005 – Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М., «Гнозис», 2005. – 352 С.

Степанов 2001 – Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. –

М., «Академический проект», 2001. – 990 С.

Чанышева 2004 – Чанышева З.З. Этнокультурные основания лексической семантики. – Уфа, РИО БашГУ, 2004. – 256 С.

Rapoport 1975 – Rapoport A. Semantics. – NY, 1975.

Richmond 1996 – Richmond Y. From Nyet to Da: Understanding the Russians. – Yarmouth, Maine: Intercultural Press, 1996.

Wierzbicka 1985 – Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. – Ann Arbor: Karoma Publishers, 1985. – 368 P.

Wierzbicka 1997 – Wierzbicka A. Understanding cultures through their key words. – NY-Oxford, 1997.

СПРАВОЧНАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., «Азбуковник», 1999.

Чехов А.П. Полное энциклопедическое собрание сочинений. Электронная библиотека. – «Бизнессофт», 2005.